

КНИГА КАК АТТРИБУТ КУЛЬТУРЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЙ КЛАССИКИ)

© Н. Н. Мисюров, 2019

*Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского,
 Омск, Россия; e-mail: journalist-omgu@yandex.ru*

Функция книги в культуре повседневности эпохи немецкого Просвещения исследуется на стыке книговедения, философии культуры, истории литературы. Проблемой исследования является смысловая структура социального мира, целью – выявление структурообразующих элементов книжной культуры эпохи. Актуальность обусловлена «антропологизмом» современной научной эпистемологии. Методология исследования основывается на деонтологии историко-культурного и литературоведческого анализа. Книга, ее смысловые «образы», литературные «образы чтения», зафиксированные в произведениях немецких классиков, раскрывают духовное содержание эпохи и внутренний мир человека. Делается вывод, что просветительская книга (серьезная и развлекательная) в своей «предметности» принадлежит культуре повседневности, отражает уровень развития книжного дела в Германии и специфику «культуры потребления», своей «знаковостью» определяет вектор общественного развития.

Ключевые слова: книга, культура повседневности, немецкая классика, книгоиздание, чтение

Для цитирования: Мисюров Н. Н. Книга как атрибут культуры повседневности (на материале немецкой классики) // Библиосфера. 2019. № 1. С. 27–35. DOI: 10.20913/1815-3186-2019-1-27-35.

A book as an attribute of everyday life culture (based on the German classics)

N. N. Misyurov

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia; e-mail: journalist-omgu@yandex.ru

The functional role of books (scientific, artistic, philosophical, religious and moralistic) in the public practice of the German Enlightenment is comparable to the significance of such major national concepts as the Lutheran faith and a special German character. The idea of aesthetic education in contemporary historical circumstances and socio-political circumstances actually became the ideology of national self-determination. The book, its semantic «images» as literary reading images enshrined in famous works of German classics, helps better revealing the spiritual content of the era and the human inner world (in typical «hero of time»). Educational book (serious and entertaining) defines the vector of social development in Germany.

German book in its «materiality» belongs to the everyday life culture, reflects the level of development of the book business in Germany and the specificity of the «culture of consumption». Everyday life culture is a holistic «life world» shared «values» and «meanings» perceived as a world attitudes and behavioral habits and regarded as a natural space of human activity. Such an approach makes it possible to study the typical, recurring forms of «cultural practices», before remaining on the periphery of classical humanities. «Reading» could be attributed to this range of socio-cultural practices. Philosophical basis of the study is the following: everything that a thing opens our perception is simply «a scheme of sensation» changing in accordance with «angles», in which we perceive them; what the thing is in its materiality can be revealed only through our final experiences. A material thing and its «causality» base in sensory perception of a subject. This series of «material things» should include «the book in general» and specifically German book as an attribute of everyday life culture of the Enlightenment. The author investigates representations of meanings of «books» (ash an abstracted subject of study) realized in the «chronotope» of a literary work. The structure of «reading image» and «book image» identified during the texts analysis of famous masterpieces of German classics have a moral connotation.

Keywords: book, everyday life culture, German classics, book publishing, reading

Citation: Misyurov N. N. A book as an attribute of everyday life culture (based on the German classics). *Bibliosphere*. 2019. № 1. P. 27–35. DOI: 10.20913/1815-3186-2019-1-27-35.

Культуру повседневности определяют как совокупность характерных для обыденной жизни человека и жизнедеятельности социума определенных социальных практик (поведенческих стереотипов, когнитивных принципов мышления¹, ситуационных моделей памяти, стратегий языковой деятельности², коммуникативных приемов, отражающих «модус отношения к миру», конфессиональных обычаев, приемов производства, труда и отдыха). Отклонения от этих практик могут представлять научный интерес как потенциальный источник постоянного обновления культуры. Культура повседневности существует только в общем контексте конкретной культурно-исторической эпохи (в нашем случае – переходной эпохи в развитии немецкой культуры на стыке Просвещения и Романтизма, получившей у историков немецкой литературы обозначение «эстетический период»). Отдельные, наиболее важные для общественной практики элементы ее воспринимаются индивидом как целостный мир привычек (мыслительных, онтологического и когнитивного характера, и социокультурных, включая «потребление» культуры), объединяемых соображениями «здорового смысла»³. Философско-лингвистическое основание описываемой ситуации таково: погруженный в «континуальный поток опыта» субъект пытается осмыслить окружающий мир и свое место в нем; субъект не способен возвыситься над опытом существования, отделить его от себя в качестве «обозримого объекта», встать по отношению к нему на внешнюю, объективированную точку зрения; весь его опыт, все мысли о мире растворены в экзистенциальном потоке, частью которого он себя ощущает [5, с. 240]. В этой перспективе смысл окружающих его «вещей» и «отношений» предстает в виде текучих «впечатлений», растворяющихся в духовном мире личности в качестве «нерасчлененного, континуально развертывающегося опыта». Как утверждал известный социолог и философ А. Шютц, «жизненный мир» человека предшествует онтологической рефлексии, это наша непосредственная «интуитивная среда» взаимодействий. Человек пребывает в «сфере реальности» в одновременно неизбежных и шаблонных формах, кажущихся «очевидными»; та область его «наличного» бытия и социально-культурной деятельности, в которую он может вмещаться и которую он может так или

¹ Всякая мысль нераздельно связана с языковой формой, в которую она воплощается, так что всякое изменение формы выражения означает изменение мысли [5, с. 289].

² Формальные модели являются репрезентациями фрагментов действительности, по отношению к которым осмысливаются соответствующие языковые выражения, последние в свою очередь в этих моделях интерпретируются, получают в них «истинностную оценку» [2, с. 163].

³ См. весьма характерные для современной научной рефлексии по поводу соответствующих идей М. Фуко работы текущего времени: [15], [17].

иначе модифицировать, оперируя в ней своим «живым организмом», и называется **мир повседневной жизни** [14, с. 118].

Аксиома книговедения – обозначение книги как хранилища научного знания и духовного опыта человечества. Однако **феномен книги** многогранен: она обладает не только функциями «маркера» литературного процесса данной эпохи, «**знаменитые книги**» не только определяют умонастроения общества, их успех отражает определенный уровень экономического развития социума, технических изобретений и усовершенствований, поскольку книга является предметом материальной культуры. Говоря о книге, мы в первую очередь имеем в виду какое-либо литературное произведение, его автора. Иногда упоминаем иллюстратора, дизайнера. Еще реже – издателя (если он был как-то связан с писателем), типографа, мимоходом – мастера-переплетчика. По случаю – книготорговца (если сложившаяся вокруг его «книжной лавки» литературная среда формировала общественное мнение). Между тем книга принадлежит не только сфере литературы. Мало изучена роль книги в общественной практике. Книга не затрагивается этнографией, между тем своеобразие национальных традиций обусловлено в том числе и привычкой к чтению.

Методологические основания исследования

Исследования культуры повседневности ведутся в нескольких направлениях: реконструкция «картин мира» исторических эпох на основе интерпретации культуры как иерархии «текстов в тексте» (труды московско-тартуской семиотической школы); изучение менталитета, совокупности установок и «предрасположенностей» индивида или социальной группы мыслить и действовать, познавать и воспринимать мир определенным образом («историческая психология»); изучение особенностей бытования той или иной конкретной вещи, технологии ее создания («история вещей»), поскольку упоминаемые в литературных произведениях прошлых эпох реалии повседневной жизни, приметы времени, детали быта зачастую уже не воспринимаются неподготовленным современным читателем. Круг источников разнообразен и неоднороден; связано это с тем, что в античной и средневековой литературе мало уделялось внимания повседневным практикам; документы и разного рода свидетельства Нового времени описывают их выборочно, сообразуясь с нормативными представлениями о сословном престиже, «приличии», с конфессиональными догматами. Исследования культуры повседневности в силу необходимости носят междисциплинарный характер⁴. На этой

⁴ В качестве примера приведем две из наиболее заметных работ последних лет: [10], [11].

методологической основе выстраивается наш анализ некоторых наиболее известных и значительных произведений немецких классиков «эстетического периода» немецкой литературы.

Изучение **просветительской книги**, ее места и роли в жизни немецкого общества эпохи Просвещения, взаимосвязь ее идейно-художественного содержания с внутренним миром обычного человека позволяет точнее увидеть и полнее описать своеобразную и весьма многообразную, богатую культуру той эпохи, в искусствоведческом и историко-литературном отношении определяемой как эпоха **немецкой классики**.

Чем является книга для нас? Вот она, оставленная на садовой скамейке в дворянской усадьбе уездной барышни (современницей Пушкина), заброшенная в угол каморки петербургским студентом (современником Достоевского), лежащая с засохшим цветком в кармане передника провинциальной немецкой девушки (современницы Гете и Шиллера). Чтение книги – тот ракурс, который позволяет писателю полнее раскрыть внутренний мир своего типического и одновременно уникального героя. Наполеон признавался великому Гете при личной встрече (в Веймаре, в 1806 г.), что таскал в походном ранце с лейтенантских молодых годов зачитанный экземпляр знаменитого романа о Вертере (разумеется, французский перевод), выражаясь уже русским языком, «мученике мятежном». Этот любопытный факт из области какой дисциплины? Книга – емкое понятие, включающее в себя разные смыслы: «слепок» с социальной действительности, портрет «героя нашего времени», горячо обсуждаемый литературной критикой, объект приложения сил предприимчивого издателя, модная новинка на книжном рынке, предмет собирательства и гордости библиофила. Наконец, любопытная «вещь», материальный предмет в ряду других материальных предметов, воплощающих «приметы времени», выделенный исследователем из общего культурного контекста эпохи. Следовательно, книга непременно должна стать **«многоликим» предметом изучения еще и семиотики культуры повседневности**.

История книги является неотъемлемой частью «всеобщей» истории культуры, а сама книга вобрала в себя многообразные культурные достижения человечества, она – сконцентрированное выражение духовной жизни человека и в прошлом, и в настоящем, обязательный атрибут «культуры повседневности». Книга – феномен мировой науки, «всемирной» литературы, оформительского искусства – аккумулирует эти «сокровища» отдельно взятой нации и всего человечества. Книга помогает индивиду и обществу совершенствоваться, перенимать и использовать всю массу накопленных пред-

шествующими поколениями знаний⁵. Научный и технический прогресс, развитие общества, растущие интеллектуальные запросы заставляют книгоиздателей совершенствовать организацию книжного дела и распространения книги как классического «источника знаний» и своеобразного увлекательного «собеседника».

Понимание **книги как предмета материальной культуры**⁶ эпохи немецкого Просвещения позволяет проследить тесную связь книги (как печатного издания, художественного произведения и классического средства массовой коммуникации) с событиями общественной жизни, с социально-культурной ситуацией (хрестоматийно известная проблема сосуществования «двух культур» – культуры высших сословий и народной культуры), с тенденциями в литературе «эстетического периода». Книга как продукт духовной и материальной культуры несет в своем внешнем виде, в технологии производства, в содержании отпечаток культурных веяний и тенденций общественного развития своего времени («производственных отношений», социально-политических институтов, национальное самосознание). Это кардинальные изменения в книгопечатании, книготорговле, бытовании книги, обусловленные самой парадигмой просветительства (пропаганда научного знания, идеи «эстетического воспитания» и др.). «Век разума» чрезвычайно повысил престиж книги. Знаменитая «Энциклопедия» Дидро и всевозможные «Словари» (естественных и «изящных» наук) наглядно показывают, что и толстые, дорогие книги перестали быть достоянием одних только «просвещенных умов» из высшего общества, стали предназначаться для массы образованных людей, для передовых представителей среднего сословия, для тянувшихся к знаниям и культуре наделенных природным умом простолюдинов. Это время воплотило в жизнь афоризм Дж. Свифта «Книги – дети разума».

Авторы, их книги и издатели

В современной науке книжный текст рассматривают через призму языка и художественной «образности» в контексте эволюции всей западноевропейской культуры (например, М. Фуко, уделяющий философии и литературе особое

⁵ См. работы ведущих книговедов, предлагающих современный взгляд на историю книги, книжного дела и книгоиздания; в них подробно и всесторонне рассматриваются национальные, технологические и другие особенности развития книжного дела [1, 4].

⁶ В изучении книги зачастую абсолютизируется ее духовная составляющая, в то время как значимость материальной составляющей принижается. Специальные исследования (искусствоведение, литературоведение, лингвистика текста) посвящены общему культурному контексту либо идейно-художественному содержанию, жанровому и стилевому своеобразию, языковым особенностям книжных текстов. Книга (типографские усовершенствования, оформительское искусство, переплетное дело) редко анализируется в общих исследованиях «культуры повседневности».

внимание) [13]. Получившие общественный резонанс книги определяют вектор развития «гражданского общества»; наиболее обсуждаемыми в коммуникативной практике книжными новинками выстраивается общественный дискурс. «Душеполезная» книга (книжная среда, круг «просвещенных умов») создает необходимый в культурной коммуникации «общий контекст» (когнитивного и эстетического характера, а также идеологической направленности).

Известному английскому издателю и журналисту эпохи Просвещения Дж. Аддисону приписывается афоризм: «Хорошая книга – это подарок, завещанный автором человеческому роду». Чтобы этот дар осуществился в полной мере, сочинение автора должен издать и распространить в «благодарном человечестве» книгоиздатель; за набор книги отвечает грамотный и умудренный жизненным опытом профессионал-типограф со своими подмастерьями, над отпечатанной книгой должен поработать обладающий вкусом и необходимыми технологическими познаниями мастер-переплетчик. Наконец, тиражом умело, с выгодой для себя и с пользой для «просвещения и воспитания» человека и человечества, распорядится знающий запросы публики книготорговец. Немецкая книга конца XVIII в. была в надежных руках, она как **плод религиозного духа лютеранства и рационального ума** вела свое происхождение из «благополучного семейства», у нее были почтенные «родители» и деятельные честные «опекуны», ей повезло на искренне любящих читателей.

В качестве примера упомянем самые именитые издательские дома Германии описываемой эпохи.

Биографии представителей семьи Котта самым тесным образом связаны с историей немецкой литературы. Основателем предприятия в Тюбингене был Иоганн-Георг Котта, еще в 1640-х гг. (не самое подходящее время для печатания и торговли книгами – шла Тридцатилетняя война, разорению подверглась большая часть страны). Сын его стал известным богословом. Внук, носивший уже благородную фамилию фон Коттендорф, сумел сделать свою фирму самым крупным производством в Германии. Это им была задумана «Всеобщая газета», которую собирался редактировать Шиллер; перенесенная из Тюбингена в Штутгарт, а накануне оккупации Германии Наполеоном – в Аугсбург, она сделалась одной из наиболее влиятельных газет Германии. В 1795 г. Коттендорф вместе с Шиллером основал литературный альманах «Оры» (в честь древнегреческих дев-муз), где сотрудничали «олимпиец» Гете и «заступник нации» Фихте. Издатель расширял свои связи, был близок с вдохновителем «штюрмеров» Гердером, философом Шеллингом,

писателем Жан-Полем, классицистом Фоссом, романтиком (будущим национальным классицистом) Тиком, учеными братьями Гумбольдтами, поэтом-песенником Мюллером и многими другими, труды и сочинения которых он издавал и пропагандировал. «Качественные» издания под его торговой маркой весьма ценились. Фирма существует и поныне (под другим названием).

Основателем другой известной «фабрики книг» был уроженец Дортмунда Фридрих Арнольд Брокгауз, изучавший торговое дело в Дюссельдорфе, иностранные языки и другие науки в Лейпциге; в 1805 г. он там же основал фирму по торговле и изданию немецких книг. Выпущенные книги отвечали самым разным запросам читателей: научные комpendиумы (вроде «Разговорного лексикона»), литературные издания (например, альманах «Уrania», переводы Шекспира), философские сочинения (творения «пророка» А. Шопенгауэра). Деятельный, предприимчивый и многосторонне образованный, он состоял в переписке с лучшими умами того времени; будучи близок властям, успешно вел борьбу с цензурой. Русскому читателю имя Ф. А. Брокгауза известно по солидному Энциклопедическому словарю, который издавался в России. Дело продолжили его сыновья. Фирма существует и сейчас (в составе издательской группы).

Скажем доброе слово об именитых немецких типографах. В первую очередь вспоминают И. Ф. Унгера. Пойдя по стопам отца, типографа и резчика, происходившего из народа, он достиг замечательного совершенства в своей специальности; изобретенный им готический шрифт⁷ отличался большей простотой (в сравнении с доставшимся от прошлых веков) и одновременно изяществом начертания; преподавал основы искусства книжной гравюры в Берлинской академии.

Как могла достойно выглядеть прекрасно оформленная и искусно переплетенная тогдашняя книга, мы можем узнать из письма Жан-Поля, в котором он сообщает о подарке наследного принца Готского Эмиля-Августа – дорогой книге: «Вчера вечером обнаружил принесенную с почты бандероль размером в лист, и в ней фолиант – Юнг по-английски с великолепными фантастическими гравюрами Блейка, в английском роскошном переплете с позолотой, в сафьяне и атласе, все вместе – в черном футляре» [8, с. 437]. Действительно драгоценность! Вот что означает известное выражение «Книга – лучший подарок»!

⁷ В 1790-х гг. в Германии оживленно обсуждался вопрос о том, следует ли перейти на распространенную по всей Европе «антикву» или же сохранить традиционный немецкий шрифт – «фрактуру». Издатель Унгер попытался усовершенствовать ее, сделать более удобной для чтения. Старый шрифт продержался до 1910-х гг.; в нацистский период «восстановлен в своих правах», окончательно вышел из употребления в период существования «двух Германий».

Какие же книги были тогда «на слуху» и «в фаворе»? Эпистолярный роман Ф. Якоби «Вольдемар» (1779, второе издание 1794) был невероятно популярен не у одного, а у двух поколений; сама по себе книга и рецензия В. фон Гумбольдта вызвали широкий интерес, особенно в кругу молодых романтиков. Примерно тот же круг читателей сформировался увлечением музыкальным романом В. Гейнзе «Хильдегард фон Хоэнталь» (Вена-Берлин, 1795–1797); такой жанровый формат (творческий путь «свободного художника») станет особенно популярным в романтическую эпоху, достанется в наследство модернистской эпохе (например, роман о немецком музыканте «Жан-Кристоф» Р. Роллана, Нобелевская премия 1916 г.). Любопытен жанр другого романа того же В. Гейнзе «Анастасия, или Шахматная игра» (1803): одновременно и роман, и наставление по игре в шахматы! Все для удовольствия читателя! Скандал вызвал роман Ф. Шлегеля «Люцинда» (1799); многочисленные отклики свидетельствовали о расколе общественного мнения; иные обвиняли автора в имморализме и безвкусице, но это только прибавило интриги происходящему – число читателей росло с каждым днем. Шиллер жаловался в письме к Гете, что от чтения у него «просто голова пошла кругом», что он неделю спустя «не может прийти в себя» («Переписка Гете и Шиллера», письмо 629).

Вообще расхождение во мнениях самих «классиков» и обыкновенных читателей представляло собой серьезную проблему (издатели ориентировались на рынок, на спрос). Так, некоторое время у непритязательной публики успехом пользовался слабый роман Г. Фрорейха «Ганс Каспер, мыловар» (Лейпциг, 1803); автор, мелкий прусский чиновник, дилетант, не был профессиональным литератором. Еще одна любопытная зарисовка на тему взаимоотношений сочинителей и публики, конкуренции между авторами: Шиллер об успехе у рядового читателя романа И. Я. Энгеля «Господин Лоренц Штарк» (1795, повторное издание 1801) с некоторой долей зависти к сопернику замечает, что это «не шедевр, конечно, но как раз то, что любят наши почтенные читатели» («Переписка Гете и Шиллера», письмо 102).

Разумеется, образованный читатель умел ценить достойные его внимания «приличные» книги. Жан-Поль писал по этому поводу: «В добрых руках роман, эта единственно дозволенная поэтическая проза, может пышно распускаться, а может и вянуть» [8, с. 255]. Он также заявлял, что гетевский «Вильгельм Мейстер» (имелся в виду первый роман из цикла «Ученические годы Вильгельма Мейстера», 1795–1796) «воспитал неплохих учеников» [8, с. 257]. Перечисляются следующие заметные книги: «Странствия Франца Штернбаляда» (Берлин, 1798) Л. Тика,

«Флорентин» (Йена, 1798) Доротей Шлегель, «Агнес фон Лилиен» (Веймар, 1798) Каролины фон Вольцоген, роман которой восторженные читатели принимали за творение самого Гете. Обратим внимание, что среди литературных «звезд» – две женщины.

Однако не будем заблуждаться: женщине традиционно отводились «кухня, дети, рукоделье». Шиллер сообщает «анекдот» об одной «милой дамочке», которая прочитала с восторгом роман Ф. Клингера «История Джафара Бармекида» (Санкт-Петербург, 1794) и по своей наивности приписала новинку самому Гете; тот с иронией принимает незаслуженные им в данном комическом случае лавры «любимца публики»: «Я, естественно, с величайшей скромностью облачился в арабский костюм с плеча нашего друга Клингера» («Переписка Гете и Шиллера», письмо 89). Разнообразие «солидных» книжных изданий поражает. Гете напоминает младшему другу о «великом соотечественнике» Ю. Х. Геннингсе, авторе ряда сочинений о явлениях потустороннего мира, в том числе «О предчувствиях и видениях» (Лейпциг, 1777), выдержавшем несколько переизданий («Переписка Гете и Шиллера», письмо 39). Шиллер советует старшему другу обратить внимание на идиллию И. Фосса «Луиза», только что вышедшую отдельным изданием (Кенигсберг, 1798) («Переписка Гете и Шиллера», письмо 64). Гете сообщает о «большом удовольствии», полученном от чтения 3-томного собрания переводов «новолатинского» немецкого поэта XVII столетия Якоба Бальзе, подготовленных и выпущенных И. Г. Гердером под общим названием «Терпсихора» (Берлин, 1795) («Переписка Гете и Шиллера», письмо 65). Тот же Гете с раздражением – «обо всем этом хламе» – по поводу предисловия к изданию греческого текста гомеровских поэм «Илиада» и «Одиссея» филологом Ф. А. Вольфом (Галле, 1795), но советует обратиться с почтением к самому творению Гомера («Переписка Гете и Шиллера», письмо 67).

И сам Гете, и многие другие великие современники сообщают об интересе читательской аудитории к книге Ф. Л. фон Штольберга «Путешествие по Германии, Швейцарии, Италии и Сицилии» (1794). Такой тип книги был востребован, успех имели и другие «отчеты о путешествиях» и живым языком написанные путеводители: «Зейферсдорфская долина» (Лейпциг-Дрезден, 1792) В. Г. Беккера; 12-томное «Описание путешествия по Германии и Швейцарии» (Берлин, 1783–1796) К. Ф. Николаи; 2-томное «Общее историко-топографическое описание Кавказа» (Гота – Санкт-Петербург, 1796–1797) Я. Ренегга; 3-томные «Заметки о путешествии по Франции, Испании и особенно Португалии» (Киль, 1801–1804) Г. Ф. Линка. Все эти книги быстро разошлись

по Германии, с успехом выдержали несколько переизданий. Вопреки разобщенности германских земель, конфессиональным противоречиям между лютеранством и южно-немецким католицизмом, соперничеству и самоизоляции курфюршеств, епископств и «карманных» княжеств, «имперских» и «вольных» городов, диалектным различиям языка формировалась общенациональная читательская аудитория. Объединяющим началом становилась **«полезная» книга.**

Образы чтения и читателя

В финальной трагической сцене культового романа всей предромантической эпохи «Страдания молодого Вертера» (1773) Гете гениально, одним мастерским штрихом обозначает эгоцентрическое мироощущение своего героя и его «культурный опыт»: на столе самоубийцы Вертера «лежала раскрытая книга», это – «Эмилия Галотти», драматургический шедевр другого немецкого гения – Г. Э. Лессинга. Несчастливая героиня этой весьма популярной «трагедии для чтения» тоже кончает жизнь самоубийством от безысходности своего положения (она обесчещена и оклеветана, в разладе с любящим отцом). Что касается самой книги, то, надо полагать, речь идет об отдельном, как сказали бы сегодня, «качественном» иллюстрированном (гравированном) издании; тогда подобные книги обычно предназначались для дарения либо солидной личной библиотеке (более дешевые издания выходили несколькими «выпусками», по прошитым типографским «тетрадам»). В предсмертном письме-завещании «несчастный страдалец» обговаривает свое погребение, просит «благочестивых христиан» пролить над его могильным камнем слезу, но в руках у него в последний смертный час отнюдь не святое Евангелие, а «крамольная» история погубленной невинности и обманутой любви. Обычная книга, пусть и литературный шедевр, приравнена к вселенской священной Книге книг, Библии! Разве это не характерная примета времени, «живое свидетельство» успехов немецкого Просвещения? «Воспитание чувств», воспитание вкуса рядового читателя и нравственное воспитание публики признавалось просветителями важнейшей функцией литературы.

Книга становилась как бы «наперником», незаменимым «помощником» в жизненных испытаниях, между ее читателем-владельцем и наполнявшим книгу «духом», ее эмоциональным внутренним миром, образами и сюжетными событиями устанавливалась особая психологическая взаимосвязь. Из письма Вертера другу Вильгельму: «Ты спрашиваешь, прислать ли мне мои книги. Милый друг, ради Бога, избавь меня от них! Я не хочу больше, чтобы меня направляли, ободряли, воодушевляли, сердце мое достаточно волнуется само по себе: мне нужна колыбель-

ная песня, а такой, как мой Гомер, второй не найти» («Страдания молодого Вертера», книга первая, письмо от 16 мая).

Насколько встроена была книга в окружающую людей того времени «культуру повседневности», мы видим из следующего фрагмента романа; книга (речь идет о «Векфилдском священнике» О. Голдсмита) интеллектуально соединяет влюбленных героев. Вертер в очередном письме обстоятельно описывает свою «повседневность»: «Кузина спросила, прочла ли Лотта книгу, которую она на днях послала ей. – Нет! – отвечала Лотта. – Она мне не понравилась, возьмите ее назад. И прежняя была не лучше. Спросив, что это за книги, я поразился ее ответу... – Когда я была моложе, мне больше всего нравились романы, говорила она. – Одному Богу известно, как приятно бывало мне усесться в воскресенье в уголок и всем сердцем переживать радости и невзгоды какой-нибудь мисс Дженни. Не буду отрицать, и сейчас еще такого рода чтение не утратило для меня привлекательности. Я редко могу взяться за книгу, а потому она должна быть мне особенно по вкусу. И мне милее всего тот писатель, у которого я нахожу мой мир, у кого в книге происходит то же, что и вокруг меня, и чей рассказ занимает и трогает меня, как моя собственная домашняя жизнь. Пусть это далеко не райская жизнь, но в ней для меня источник несказанных радостей» («Страдания молодого Вертера», книга первая, письмо от 16 июня).

А вот еще одна иллюстрация к афоризму «Книга – лучший подарок», тем более, что речь идет не о роскошном издании, а о книгах поскромнее «одетых», зато это подарок от всего сердца. Вертер сообщает далекому другу Вильгельму об отношении к нему близких людей: «Без сомнения, будь моя болезнь исцелима, только эти люди могли бы вылечить ее. Сегодня день моего рождения. Рано утром я получаю сверточек от Альберта. Раскрываю его и нахожу один из бантов, которые были на Лотте, когда мы познакомились и которые я не раз просил у нее. К этому были приложены **две книжечки в двенадцатую долю листа** – маленький **Гомер в ветштейновском издании**, которое я давно искал, чтобы не таскать с собой на прогулку **эрнестовские фолианты**. Видишь, как они угадывают мои желания и спешат оказать мелкие дружеские услуги, в тысячу раз более ценные, нежели пышные дары, которые тешат тщеславие дарителя и унижают нас» («Страдания молодого Вертера», книга первая, письмо от 28 августа).

Книга становится критерием оценки людей, так или иначе принимающих участие в судьбе главного героя романа. Вертер в письме Вильгельму: «Что мне делать у князя? Я начинаю скучать. Князь обходится со мной как нельзя

лучше, и все же я не на своем месте. В сущности, у нас нет ничего общего. Ему нельзя отказать в уме, но уме весьма заурядном; его общество занимает меня не больше, чем **чтение умело написанной книги**. Пробуду здесь еще неделю, а затем опять пушусь в странствия. Удачнее всего я занимался здесь рисованием. Князь чувствует искусство и чувствовал бы еще больше, если бы не замкнулся в кругу плоских научных понятий и самой избитой терминологии. Случается, я скрежещу, зубами, когда со всем жаром воображения открываю ему природу и искусство, а он, думая блеснуть, вдруг изрекает какую-нибудь прописную истину!» («Страдания молодого Вертера», книга вторая, письмо от 11 июля).

Книга оказывается порой единственным «существом», помогающим герою скрасить свое парадоксальное одиночество посреди близких ему людей. Вертер – Вильгельму: «Да, мне ясно, дорогой мой, мне ясно и с каждым днем все яснее, что жизнь одного человека значит мало, почти ничего не значит. К Лотте пришла подруга, а я ушел в соседнюю комнату достать **книгу, но читать не мог и взялся за перо**. Мне был слышен их тихий разговор; они рассказывали друг другу какие-то незначительные истории, городские новости: эта выходит замуж, та очень больна... Ах, такова брэнность человека, что даже там, где он по-настоящему утверждает свое бытие, где создается единственно верное впечатление от его присутствия, – в памяти и в душе его близких, даже и там суждено ему угаснуть, исчезнуть – и так быстро!» («Страдания молодого Вертера», книга вторая, письмо от 26 октября).

Книга очерчивает мистическим образом границы внутреннего мира героя, трагически несовпадающие с границами «повседневности». Накануне отъезда, прощания с любимой: «Она хотела было распорядиться, чтобы горничная сидела с работой в соседней комнате; потом передумала. Вертер шагал из угла в угол, она подошла к фортепьяно и начала играть менуэт, но поминутно сбивалась. Наконец она овладела собой и с беспечным видом села возле Вертера, когда он занял обычное свое место на диване. – **У вас нечего почитать?** – Оказалось, что нет. – В ящике моего стола лежит **ваш перевод песен Оссиана**, я еще его не читала, все надеялась **услышать в вашем чтении**, но это до сих пор почему-то не получалось. Он улыбнулся, пошел за тетрадь, но, когда взял ее в руки, его охватила дрожь и на глаза набегали слезы, когда он заглянул в нее. **Он сел и стал читать**» [6, с. 106]. Закрывая книгу, мы оканчиваем скорбное повествование о «лишнем человеке» далекого от нас теперь времени (этот тип «героя времени» хорошо знаком русскому читателю по отечественной классике).

Как видим, во всех процитированных отрывках, взятых из самого известного, пожалуй, шедевра немецкой классики, книга – **ее разноликое «образы»** – оказывается тем «волшебным ключиком», которым открываются авторский замысел и смысл жизни героя. Книга, раскрывающая идейное содержание изображаемой эпохи, становится центром этой величественной, эмоционально окрашенной **картины «человеческого бытия»**.

Выводы

Итак, культура повседневности – это «интуитивная среда» наших постоянных взаимодействий, совокупность определенных рутинных практик и отклонений, как потенциальных новаций в контексте данной культурно-исторической эпохи. Культура повседневности представляет собой целостный социокультурный «жизненный мир» (мир «опыта живого деятельного субъекта, предшествующий научной рефлексии», согласно А. Шюцу [14]) общих «значений» и «смыслов», воспринимающийся как мир стереотипов мышления и привычек поведения – в общественной жизни, в частном быту. Культура повседневности рассматривается как естественное, самоочевидное условие и пространство человеческой жизнедеятельности; в рамках именно такого подхода становится возможным изучение типичных, повторяющихся, обыденных форм «культурной практики», прежде остававшихся на периферии классических гуманитарных дисциплин. **«Чтение»** может быть отнесено к этому гомогенному ряду практик.

Кратко изложим теоретические основания предпринятого исследования. Конституция **неодушевленного материального объекта** во внешнем мире – «подлинной вещи» – является первой анализируемой областью действительности. **Вещь** протяженна в пространстве и длительна во времени, она состоит в определенных отношениях с другими вещами, находится в движении или неподвижна. Все то, что вещь открывает нашему восприятию, есть просто «схема ощущения», меняющаяся в соответствии с «ракурсами», в которых мы их воспринимаем [14, с. 35]. Реальность вещи, ее материальность, не может быть отнесена только к схеме ощущений. Эта схема меняется, если меняются обстоятельства; при этом меняющиеся схемы понимаются как «манифестации определенного единства», а их изменения – как зависимые от соответствующих реальных обстоятельств. Действительные состояния свойств вещи понимаются как модификации. То, **чем вещь является в своей материальности**, раскрывается в процессе нашего переживания; «конечные переживания» могут подтверждать, лишать значимости или упразднить предыдущие. Необходимо подчеркнуть, что

материальная вещь и ее «каузальности» конституируются в чувственном восприятии переживающего субъекта [14, с. 10–14]. В этот ряд «**материальных вещей**» включим интересующую нас «**книгу вообще**» и конкретно **немецкую книгу** эпохи Просвещения. **Литературные «образы»** ее как атрибута культуры повседневности (как и «образы чтения», образы «читателя») зафиксированы в выбранных для анализа произведениях национальной классики; они выступают в качестве **культурных «смыслов»**.

Заключение

Исследование «культуры повседневности» не тождественно истории данной эпохи, одной из задач является воссоздание эмоциональной и ментальной составляющих культуры прошлого или же «недавнего» настоящего. В центре внимания исследователя оказывается «случайное», единичное, которое требуется вписать в более широкий социокультурный контекст. В этом эпицентре пересечения стратегий и тактик мировосприятия соединяются динамика и статика культурной традиции (в атмосфере сакрализации определенных, взятых из прошлого образцов, придания им значения «вечных» законов, любой из отдельных элементов повседневной культуры приобретает характер «маркированного» атрибута культурной практики), происходит «овеществление» духовного и материального. Интересу к событийному уровню истории культуры⁸ («диалогическому» по методологии, поскольку исследователь должен учитывать **представления и оценки «читателя», «слушателя»**) отнюдь не препятствует стремление к анализу устойчивых и повторяющихся форм («феноменов» и культурных «действий»⁹).

Оценка отражает объективно существующие в обществе в данный исторический период и в конкретной национальной среде (конфессионально однородной, но социально дифференцированной) специфические объекты и нормы, имеющие определенную ценность. Поскольку речь идет о репрезентации **смыслов «книги»** (как абстрагированного предмета изучения), то такая ценность реализуется в хронотопе литературного произведения (времени и пространстве художественного текста). Оценка объекта (в нашем случае – немецкой книги, научной, моралистического содержания, художественной) как понятийной концептуальной категории является исторически изменчивой величиной, но ценность самого объекта – книги как «вещи», как **атрибута культуры повседневности** – остается

величиной постоянной¹⁰. Иначе говоря, сам факт присутствия «образов чтения» (образов читателя) и «образов» книги в текстах знаменитых шедевров **немецкой классики** означает **ценностную смысловую нагрузку** этих литературных образов и характеров. ■

Список источников

1. Баренбаум И. Е., Шомракова И. А. Всеобщая история книги. Москва : Профессия, 2005. 368 с.
2. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. Москва : Прогресс, 1989. 312 с.
3. Василенко В. С. Культура повседневности. Красноярск : Изд-во Сиб. федер. ун-та, 2012. 186 с.
4. Владимиров Л. И. Всеобщая история книги. Москва : Книга, 1988. 312 с.
5. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. Москва : Новое лит. обозрение, 1996. 352 с.
6. Гете И. В. Избранные произведения. Т. 2. Москва : Правда, 1985. 704 с.
7. Гете И. В., Шиллер Ф. Переписка. Москва : Искусство, 1988. Т. 1. 540 с. ; Т. 2. 587 с.
8. Жан-Поль. Приготовительная школа эстетики. Москва : Искусство, 1981. 448 с.
9. Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего. Москва : Акад. проект, 2013. 496 с.
10. Марковцева О. Ю. Облик повседневности. Опыт феноменологического описания. Ульяновск : Печ. двор, 2005. 133 с.
11. Махлина С. Т. Семиотика культуры повседневности. Москва : Алетейя, 2009. 231 с.
12. Успенский Б. А. Факты и знаки. Исследования по семиотике истории. Москва : Изд-во Рос. гос. гуманитар. ун-та, 2008. 149 с.
13. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. Санкт-Петербург : Academia, 1994. 408 с.
14. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира : очерки по феноменологической социологии. Москва : Обществ. мнение, 2003. 336 с.
15. Erlenbusch-Anderson V. Philosophical practice following Foucault // Foucault studies. 2018. № 25. P. 55–83.
16. Luckmann T., Soeffner H.-G., Vobruba G. «Nichts ist die Wirklichkeit selbst» // Soziologie. 2015. Vol. 44, № 4. S. 411–434.
17. Sharpe M., Turner K. Bibliopolitics: the history of notation and the birth of the citational academic subject // Foucault studies. 2018. № 25. P. 146–173.

References

1. Barenbaum I. E., Shomrakova I. A. *Vseobshchaya istoriya knigi* [Universal history of books]. Moscow, Professiya, 2005. 368 p. (In Russ.).

¹⁰ Исчерпывающая культурологическая оценка «глобального» смысла книжной культуры изложена в известном труде М. Маклюэна «Галактика Гутенберга» (1962). См. специально: [9].

⁸ О проблеме «событийного плана» истории и культуры см. специально: [12].

⁹ Исследования подобного рода характерны для «школы» Т. Лукмана. См. специально: [16].

2. Van Dijk T. A. *Yasik. Posnanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Moscow, Progress, 1989. 312 p. (In Russ.).
3. Vasilenko V. S. *Kultura povsednevny* [Culture of everyday Life]. Krasnoyarsk, Izd-vo Sibir. feder. un-ta, 2012. 186 p. (In Russ.).
4. Vladimirov L. I. *Vseobshchaya istoriya knigi* [Universal history of books]. Moscow, Kniga, 1988. 312 p. (In Russ.).
5. Gasparov B. M. *Yazyk, pamjat', obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya* [Language, memory, image. Linguistics of language existence]. Moscow, Novoe lit. obozrenie, 1996. 352 p. (In Russ.).
6. Goethe J. W. *Izbrannye proizvedeniya. T. 2* [Selected Works. Vol. 2]. Moscow, Pravda, 1985. 704 p. (In Russ.).
7. Goethe J. W., Schiller F. *Perepiska* [Correspondence]. Moscow, Iskusstvo, 1988. Vol. 1. 540 p., Vol. 2. 587 p. (In Russ.).
8. Jean-Paul. *Prigotovitel'naya school estetiki* [Preparatory School of aesthetics]. Moscow, Iskusstvo, 1981. 448 p. (In Russ.).
9. McLuhan M. *Galaktika Gutenberga. Stanovleniye cheloveka pechatayushchego* [Gutenberg Galaxy. Human formation of printing]. Moscow, Akad. proekt, 2013. 496 p. (In Russ.).
10. Markovtseva O. Y. *Oblik povsednevny. Opyt fenomenologicheskogo opisaniya* [The appearance of everyday life. Experience a phenomenological description]. Ul'yanovsk, Pech. dvor, 2005. 133 p. (In Russ.).
11. Makhlina S. T. *Semiotika kultury povsednevny* [Semiotics of the everyday life culture]. Moscow, Aletheia, 2009. 231 p. (In Russ.).
12. Uspenskii B. A. *Fakty i znaki. Issledovaniya po semiotike istorii* [Facts and characters. Studies on semiotics of history]. Moscow, Izd-vo Ros. gos. gumanitar. un-ta, 2008. 149 p. (In Russ.).
13. Foucault M. *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [Words and things. Archaeology of the human sciences]. Saint Petersburg, Academia, 1994. 408 p. (In Russ.).
14. Schütz A. *Smyslovaya structura povsednevno-go mira* [The semantic structure of the everyday world]. Moscow, Obshch. mnenie, 2003. 336 p. (In Russ.).
15. Erlenbusch-Anderson V. Philosophical practice following Foucault. *Foucault Studies*, 2018, 25, 55-83.
16. Luckmann T., Soeffner H.-G., Vobruba G. «Nichts ist die Wirklichkeit selbst». *Soziologie*, 2015, 44 (4), 411–434.
17. Sharpe M., Turner K. Bibliopolitics: the history of notation and the birth of the citational academic subject. *Foucault Studies*, 2018, 25, 146–173.

Материал поступил в редакцию 24.01.2019 г.

Сведения об авторе: Мисюров Николай Николаевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры журналистики и медиалингвистики ОмГУ им. Ф. М. Достоевского